

УДК 321.03

Роль социальной иерархии в развитии общества

Голубев С.В.

*Учреждение образования «Витебский государственный
университет им. П.М. Машерова», Витебск*

В статье анализируется роль социальной иерархии в развитии общества как системы. Автором привлекается широкий материал новейших политантропологических исследований, данные современной биологической науки, результаты, полученные в рамках общей теории систем. Показано, что иерархическое строение свойственно обществам всех типов, в том числе, и самым примитивным. Эта особенность социальной структуры укоренена в глубочайших принципах организации жизни, вообще всякой системы. Проводится также логико-понятийный анализ концептов: социальная иерархия и социальная дифференциация. Обосновывается тезис о том, что социальная иерархия является неотъемлемым свойством общества и важнейшим фактором его развития. Полученные в ходе исследования результаты могут способствовать решению актуальной для сферы социального познания проблемы различения собственно научных и идеологических концепций.

Ключевые слова: социальная иерархия, общество, социальное развитие, политантропология.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 102–107)

Role of social hierachy in the development of the society

Golubev S.V.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

The article analyzes the role of social hierachy in the development of the society as a system. The author applies wide material of newest political and anthropological studies, data of modern Biology, findings which were obtained within the general theory of systems. Hierachical structure is shown to be typical of the societies of all types, most primitive including. This peculiarity of the social structure roots in the deepest principles of the organisation of life, of any system in general. Logical and concept analysis of the notions of social hierachy and social differentiation is done. The idea of social hierachy being the inseparable feature of the society as well as the most important factor of its development, is grounded. Findings of the research can facilitate the solution of the urgent social cognition problem of the differentiation of scientific and ideological conceptions.

Key words: social hierachy, society, social development, political anthropology.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 102–107)

Одним из важнейших факторов социального развития является, как известно, общественное разделение труда. Его истоки заключаются, очевидно, в том, что всякий человек «от природы» уникален, представляет собой неповторимый

комплекс биологических и психофизиологических задатков и свойств. Не случайно, практически на всем протяжении человеческой истории разделение труда опиралось на естественные основания, осуществлялось, прежде всего, как половоз-

Адрес для корреспонденции: e-mail: golubev_sergei1962@mail.ru – С.В. Голубев

растное. Принципиально важно, что естественно-природные половозрастные различия индивидов в рамках социальной системы в целом и, в особенности, в общественном разделении труда изначально предстают как половозрастная иерархия. Сегодня в социальной науке нет единства в понимании роли социальной иерархии как таковой в функционировании и развитии общества. Цель настоящей статьи – анализ роли социальной иерархии как действенного фактора социального развития.

Материал и методы. В статье использованы исторические и логические методы исследований. Проведенный анализ предполагает привлечение конкретно-научного материала, прежде всего политантропологического, а также исследований по общей теории систем.

Результаты и их обсуждение. Необходимо отметить, что наличие половозрастной иерархии и ее основополагающее значение для социальной структуры и разделения труда в примитивных обществах твердо установлено эмпирическими исследованиями политантропологов. В.В. Бочаров отмечает, что «принцип разделения общественного труда в соответствии с возрастом был, как известно, детерминирующим уже на ранних стадиях социогенеза» [1] и, что политантропологи говорят даже о «возрастных классах». О.Ю. Артемова в статье, специально посвященной изучению ранних форм социальной дифференциации на эмпирическом материале, пишет: «Как видно из всего вышесказанного, дифференциация социальных статусов у австралийских аборигенов была в значительной степени связана с естественными факторами: половозрастными различиями людей, неодинаковыми прирожденными данными индивидов (подчеркнуто нами. – С.Г.) и др.» [2]. Политантрополог П.Л. Белков в интересной, содержащей теоретические обобщения работе о средствах управления в примитивных обществах, констатирует, что «именно старшие мужчины оказываются субъектом авторитета как первобытной формы управления», они «определяют наказание, когда нарушают

ся законь» и «пользуются широкими привилегиями» [3].

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что наличие социальной иерархии вытекает из потребностей человека, является необходимым следствием его «природы» и условием существования общества как социальной системы и формы деятельности индивида¹. Иерархичность вообще, как известно, – один из основных системных принципов, характеризующих строение и функционирование системы как таковой. Причем, чем более сложной является система, тем более он значим для нее. По словам В.А. Энгельгардта, разрабатывавшего системный подход в микробиологии, «принцип иерархической структуры – один из характерных атрибутов живых систем» [4]. В специальной статье этот исследователь приводит целый ряд свидетельств авторитетных ученых-биологов, убежденных в принципиальной необходимости иерархического строения живых систем. «С предельной четкостью, – пишет он, – высказывает свой взгляд П. Вейсс, когда он одному из разделов своей статьи дает заглавие «Иерархии: биологическая необходимость» и далее говорит о том, что «принцип иерархического порядка в живой природе отчетливо выступает в качестве явственно выраженного явления (здесь вспоминается Гегель с его характеристикой природы как «стихий неравенства». – С.Г.) вне зависимости от того, какое философское содержание мы придадим этому термину». Гробстейн в книге «Стратегия жизни» говорит, что одна из характеристик живого состоит в иерархии структур и функционального контроля. Этот иерархический принцип охватывает все ступени, начиная с атомных и молекулярных явлений и кончая взаимоотношениями в человеческом обществе...» [4, с. 336]. Энгельгардт приводит также соответствующие высказывания Л. фон Берталанфи, С. Патти, Дж. Нидхэма. Он отмечает, что важнейшей

¹ Под «социальной иерархией» мы понимаем, прежде всего, вертикальное различие, неравенство социальных статусов в рамках организационно-управленческой сферы (подсистемы) общества.

особенностью биологических иерархий «является возникновение новых свойств, которые никак не могут быть вызваны или предсказаны на основе экстраполяции свойств тех элементов, из которых рассматриваемая иерархическая система построена... более высоколежащий иерархический уровень оказывает направляющее воздействие на уровень ниже лежащего порядка, т.е. подчиненный: последний приобретает новые свойства, отсутствовавшие в его изолированном состоянии (подчеркнуто нами. – С.Г.)» [4, с. 336–337].

Таковы данные биологической науки. Что же касается социальной иерархии, то, не говоря даже о том, что социальное «по определению» сложнее биологического, ясно, что логически необходимо, чтобы обществу, как и любой системе, была присуща определенная мера дифференцированности и интегрированности, «различия, и тождества» на языке Гегеля. Но понятие различия, социальной дифференциации включает понятие социальной иерархии, поэтому, когда речь идет о различии, дифференциации вообще, речь идет и об иерархии. Нередко утверждается, что дифференциация не обязательно предполагает иерархию, неравенство. Надо сказать, что такое утверждение может иметь лишь абстрактное обоснование. Как говорит Гегель: «Равенство есть абстрактное рассудочное тождество, которое, прежде всего, имеет ввиду рефлектирующее мышление, а тем самым, и духовная посредственность вообще, когда оно встречается с отношением единства к различию» [5].

Для конкретного анализа понятия и явления социальной дифференциации представляется целесообразным провести аналогию с понятием и явлением социальной мобильности. Социальная дифференциация и социальная мобильность сущностно взаимосвязаны и предполагают друг друга. Первая, к тому же, является необходимым условием последней. Социальная мобильность выступает, как известно, в двух разновидностях: «горизонтальной» и «вертикальной», причем, основной в социальном познании принято считать, прежде всего, вторую. Соответственно, социальная

дифференциация также может и должна быть двух видов. «Вертикальная» социальная дифференциация и есть социальная иерархия.

Надо сказать, что строгое различие вертикальной и горизонтальной социальной мобильности может быть только абстрактно-логическим, полезным, главным образом, в качестве идеально-типической конструкции. В действительном обществе практически любое реальное социальное перемещение индивида имеет, как правило, не одно, а два измерения, характеризуется и в «горизонтальном», и в «вертикальном» отношении. Реальная социальная структура есть сложный комплекс не всегда различимых по вертикали и горизонтали связей и зависимостей между индивидами. И социальная мобильность в массе конкретных случаев вряд ли может принимать «чистые» формы, но определяется по преобладающему горизонтальному или вертикальному вектору.

Да и онтологически, если бытию как таковому свойственно движение как таковое, то социальному бытию должна быть присуща социальная мобильность как таковая, то есть такая, которая обладает полнотой, проявляется не в одной, а во всех своих возможных разновидностях. Другими словами, в обществе как завершенной, обладающей полнотой, форме социального бытия должна наличествовать как горизонтальная, так и вертикальная мобильность. Кроме того, поскольку это соотносительные разновидности, одна предполагает другую. Горизонтальная социальная мобильность может логически и практически различаться, определяться только посредством сопоставления с вертикальной мобильностью. То же можно сказать и о практическом, логическом и онтологическом соотношении «горизонтальной» (невертикальной) и «вертикальной» социальной дифференциации.

Практическое отсутствие «чистых» разновидностей, исключительно вертикальной или, тем более, исключительно горизонтальной социальной мобильности в реальной общественной жизни, легко показать на конкретных примерах. Даже простая смена места жительства в

пределах одного города, не говоря уже о переезде из деревни в город или из одной страны в другую, практически всегда оценивается и как повышение или понижение социального положения. Не случайно в каждом городе существуют «престижные» и «непрестижные» районы.

Очевидно следующее: чем разнообразнее такая дифференцированность социального пространства, тем сильнее стимулируется социальная мобильность и, значит, активность, деятельность индивида. Если последний деятелен лишь постольку, поскольку он чего-то не достиг, и хочет проявлять свою значимость¹, то только наличие социальной дифференциации, вертикальной, прежде всего, может вывести цели его деятельности за пределы удовлетворения потребностей простого выживания. Поэтому возможность *повышения* престижа как соотносительной (выше/ниже) оценки социального статуса – как определенного положения в рамках вертикальной дифференциации данной социальной системы, является важнейшим и незаменимым стимулом интенсификации деятельности индивида. Социальная иерархия оказывается, таким образом, одним из источников и условий социального развития. Это также нетрудно подтвердить эмпирическими свидетельствами. Можно вспомнить об обязательном провале всех коммунистических экспериментов как в небольших общинах, так и в масштабах крупнейших государств. Политантропологические исследования примитивных обществ также фиксируют прямопропорциональную зависимость между степенью выраженности социальной иерархии и общим уровнем социокультурного развития.

Нарастание социальной иерархии, усложнение вертикальной социальной дифференциации, является также, что было отмечено Гегелем, показателем и результатом развития общества. Это, собственно, следует из понятия развития как усложнения, то есть увеличения внутренней дифференциации. Было бы несоответствием понятию, если бы такая

дифференциация могла быть исключительно горизонтальной, тогда, по существу, имело бы место не развитие, а количественное увеличение. Кроме того, развитие общества существенным образом проявляется в институционализации социальных взаимоотношений, а социальный институт как таковой порождает социальную дифференциацию и предполагает неравенство социальных статусов. По словам Гегеля, «каждый институт противен абстрактному самосознанию равенства» [5, с. 107].

Таким образом, можно сделать вывод, что социальная иерархия, неравенство является необходимой стороной социальной дифференциации. Поскольку последняя есть необходимое условие и свойство общества, социальное неравенство оказывается фундаментальной предпосылкой и неустранимой стороной общественной жизни. Таков и общий вывод из конкретных эмпирических исследований примитивных обществ. Как отмечает Н.Н. Крадин, «обращение к исследованиям социантропологов (этнологов, этнографов), а также к работам специалистов по социобиологии показывает, что это (представление об эгалитарности «первобытного» общества. – С.Г.) очень серьезное заблуждение, от которого давно пришло время отказаться. Неравенство всегда существовало в истории человеческого общества. В настоящее время закрывать на это глаза и, руководствуясь кабинетными иллюзиями прошлого века, пытаться создать общество без неравенства – это не только абсурдная, но и чрезвычайно опасная идея» [6]. Заметим, что опасность этой идеи, в частности, заключается в том, что равенство является социоструктурной предпосылкой тоталитаризма, но в целом же идея равенства «опасна» и разрушительна для общества именно потому, что имманентно предполагает устранение социальной дифференциации.

Э. Гидденс пишет о необходимой связи неравенства и общества: «Неравенство существует в человеческих обществах любых типов (подчеркнуто нами. – С.Г.). Даже в самых примитивных культурах, где имущественные различия между людьми почти отсутствуют, существует неравенство между индивидами, муж-

¹ См. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – С. 206.

чинами и женщинами, молодыми и стариками» [7]. О.Ю. Артемова, в уже цитированной специальной статье о «первобытном эгалитаризме», говорит, что даже самые примитивные, занимающиеся охотой и собирательством, группы не являются эгалитарными: «Многие эмпирические данные по охотникам и собирателям показывают, что ... термины «эгалитарные общества, эгалитарные отношения» в качестве их генерализирующей стадийальной или типологической характеристики вряд ли пригодны, в каком бы понимании они не употреблялись...» [2, с. 41]. Помимо прочего, это означает, что можно констатировать не только логическую несостоятельность, но и эмпирическую необоснованность постулата изначального естественного равенства индивидов. Единственным основанием этого постулата остается эмоционально привлекательное представление равенства в качестве моральной ценности, сущностно связанной со свободой.

Заключение. Проведенный анализ дает основания утверждать, что социальная иерархия как таковая является неустранимым свойством и, в целом, благоприятным фактором общественной жизни, способствующим социальному развитию. Более того, социальная иерархия есть необходимое условие социальной дифференциации, без которой вообще невозможно общество как система. Соответственно, можно утверждать, что потенциал аргументации разного рода леворадикальных уче-

ний, пропагандирующих «всеобщее равенство», ограничивается сугубо эмоционально-ценностной сферой, что выводит их за рамки объективной науки. В этой связи, полученные в ходе исследования результаты, могут способствовать решению актуальной для сферы социального познания проблемы различения собственно научных и идеологических концепций.

Литература

1. Бочаров, В.В. Ранние формы политической организации в структуре колониального общества / В.В. Бочаров // Ранние формы политической организации. – М.: Наука, 1995. – С. 208.
2. Артемова, О.Ю. Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации / О.Ю. Артемова // Ранние формы социальной стратификации. – М.: Наука, 1993. – С. 51.
3. Белков, П.Л. Социальная стратификация и средства управления в доклассовом обществе / П.Л. Белков // Ранние формы социальной стратификации. – М.: Наука, 1993. – С. 80.
4. Энгельгардт, В.А. О некоторых атрибутах жизни: иерархия, интеграция, узнавание / В.А. Энгельгардт // Современное естествознание и материалистическая диалектика. – М.: Наука, 1977. – С. 335.
5. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – С. 107.
6. Крадин, Н.Н. Политическая антропология / Н.Н. Крадин. – М.: Ладомир, 2001. – С. 38.
7. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 196.

Поступила в редакцию 16.05.2012 г.

Принята в печать 25.06.2012 г.